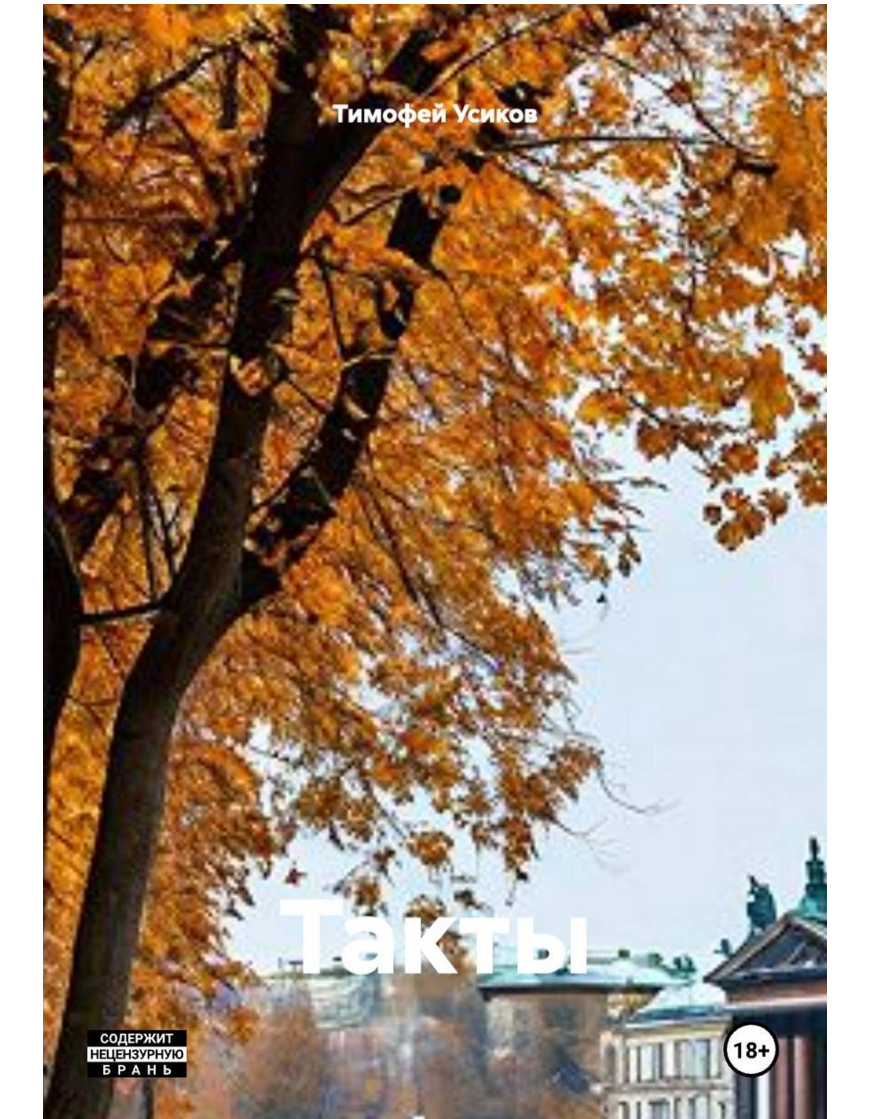

Тимофей Усиков

Такты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимофей Усиков

Такты

<https://litres.ru/74241703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о слабовидящем музыканте в Санкт–Петербурге.
Лето, осень, зима, замыслы, разговоры.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Такты

Глава

Лето

Шипение шин в летний сухой день настолько пронзительно напоминало маракасы, что мне захотелось, чтобы все замолчали. Цокали каблучками женщины, к тому же зачем-то по Невскому ехала карета. Лето — туристическое время, понятно. Туристы хотят повернуть время вспять, вернуть себе свою молодость посредством впечатлений. Но поворачивают вспять моё время, я хочу, чтобы были автомобили. Они напоминают духов доисторических саблезубых тигров.

Нога твёрдо ступает по асфальту, я иду на работу. Вечером ребята из «Цоколя» вынесут выпивку и мы будем бесконечно триндеть про драйв. Мало кому из них нужна музыка. Было бы неплохо встретить Люцика, но сегодня среда, наверное, он отдыхает после вчерашнего джема. Конюшенную я перешёл, жду, пока начнётся мост. О, как приятно тарахтит отбойный молоток — ремонтируют набережную — как будто женщина массирует моё тело. Но это не то, по сравнению с тем, что я слышал, когда перешёл Мойку. В шинах жило время нашего мира, дух самой Земли.

«Но что тут, в сущности, поменяешь, нам нужно только смириться с тем, что не дают», - прогнусавил почти мне под ухо какой-то служивый, программист, наверное. Нет, нужно отвлечься от этих звуков, дойти до своего места и достать маракасы... Ноги, я сосредоточился на ногах, и очень вовремя, нужно было сойти с тротуара — уже мост. Кто-то взял меня за плечо, чтобы я не попал под автомобиль. Да я их и так слышу. Спасибо.

Рядом со Спасом я больше не играю, Мефистофель там подключает свой комбик к столбу, а мне комбик не нужен, все эти электронные ходули, с которыми они выступают — настоящий позор. Так что идём дальше прямо. Солнце светило, как всегда, по этой стороне, я начал перегреваться и снял шапку. Лицо перестало быть маской, я снова ощутил всю голову, хотя, конечно, всё ещё казалось, что шапка на мне. Шины теперь звучали где-то глубоко внутри живота, смогу ли я их сыграть? Это как с поэзией, сначала придёт какая-нибудь строчка, не запомнишь, а потом выдаёшь из себя слова-сухофрукты. Обидно. Я постарался сосредоточиться на середине живота, чтобы настоящее не покинуло меня. Теперь стали отвлекать и собственные ноги, обутые в тонкие советские кеды. Хочется просто оторваться, просто оторваться, оторваться от асфальта. Нужно будет сменить кеды на деревянные туфли, как у голландцев и японцев. Из-за всей этой предобеденной суматохи, из-за солнца, голосов, мне стало страшно, и я в очередной раз пожалел, что хожу

без трости.

Всё время пытаюсь взять себя в руки, я пересёк и Фонтанку, колеблюмую мегафонами зазывал на кораблики, и пробку на Литейном. Когда за спиной был поворот на улицу Маяковского, до меня вдруг сквозь запахи столовой донёсся запах грецких орехов, исходивший от прошедшей навстречу девушки в сандалиях. Этот запах напомнил мне о жене, о Норе, да и вообще о всех женщинах мира даже. Тело налилось силой, и... вернулся звук шин, тот звук шин, который я слышал у Мойки. Здесь-то он совсем другой, рядом площадь. До моего места напротив выхода из метро остались считанные шаги, и уверенно к нему приближался, задевая прохожих.

Вот оно. Я достал из рюкзака барабан, маракасы и табличку с надписью, которую мне сделала Нора: «Меня зовут Сом. Я слепой. Всё моя жизнь — это музыка. Спасибо за помощь», - и начал играть про шины, ожидая, когда всё безумие моей дороги распределится по телу, чтобы вылиться в слова песни.

Лето

Несколько пятак упали в шапку. И в голову пришли слова — слова песни, услышанной накануне рядом с каким-то ларьком:

Всё, что тебя касается, Всё, что меня касается, Всё только

начинается Начинается...

Совершенно не стесняясь, я начал их петь. Я пел, наверное, почти час, раз десять повторив эту строки на разный лад, медленно распевая, усложняя примитивный изначальный мотив. Пока, наконец, меня не сшибла мысль – а что же дальше? Ведь я спел на сегодня самое главное, так бережно пронеся этот звук, и вот теперь он сыгран (даже – разыгран) тем, что я, победив слова и попсовый мотив, который был, несомненно, всей той стеной чувствительности, сбивающей с толку, противостоявшей мне по пути. И теперь я сам – продолжение стены. Я устал. Не физически – мог бы играть и дальше – морально. Нужно было сворачиваться, пускай рано. Хотя, приняв себя к сырости, понял – нет, уже вечерет. Спросил первого задевшего меня, которой час, тот размеренно ответил (наверное, оглядывая меня):

- Простите. Пятый.

Нельзя сказать, что меня окружала тишина. Но атмосфера была серой, такой же, наверное, как и небо. В этой серости я терялся, мне не было места. Не было места той стройности, празднику, нести который было бы моим единственным предназначением. Нужна такая музыка, которая повторяла бы бесконечность каждого из нас, проваливающегося в забвение и равнодушие окружающих, но всё-таки проходящего сквозь падения и возвышения. Музыка, которая показывала бы, как мы пронзаем эту серость своим естеством, но не можем ничего поделать, потому что не можем войти

в унисон без лишних слов. Мир строится на естественном, оно аккуратно кладётся кирпичик за кирпичиком. Но проблема в том, что если кирпичи будут положены друг на друга строго вертикально, то стена рухнет – они должны идти внахлест. В этом идея канона. Нужно попробовать поработать с певцом. Я свернул к Спасу-на-крови, чтобы спросить у Мефистофеля, нет ли у него знакомого певца, чтобы мы с ним могли петь каноном. Но на трёх мостах играл почему-то пришедший сюда саксофонист с Дворцовой площади. О, эти сонорные завывания – лишь бледная тень моей идеи.

Лето

И вдруг до моего слуха донеслись барабаны – играли на Марсовом поле, однозначно там. Я перешёл дорогу в сторону звонкой атаки. Они били дико и неистово, с какой-то страшной болью в каждом ударе. Ребята, по-ходу, уже давно «прикурились» и не было никакой переклички, никакого разговора, была лишь радость коллективного действия. У них была общая цель, общая боль, они сбрасывают через инструмент свои тела.

Я стоял рядом и слушал. Один из них перестал играть, он направился ко

мне:

- Ты участвуешь?

- В чём?

- В Чечне война, мы играем против войны.

- Нет, - закончил я на автомате разговор и отошёл.

Вот оно что: они поют боль сотворения. А где-то далеко, в горах Кавказа

люди ещё хранят это в памяти сердца. И видят, что нет им места среди глупых русских гордецов-нуворишей, продлевающих себя в диком дроблении вещей. Звучала война.

Я отошёл от них подальше, чтобы не мешать шаманам. Конечно, музыка – это магия, но стоит ли превращать её в прямое действие? Ведь колебание – физично, многоуровнево. Есть в этом самообман.

Я лёг под дерево, чтобы дать расправиться костям и начал шептать себе под нос: «Сом и Нора, Сом и Нора», - в голове сложились саксофон и барабаны, и она болела. - «Сонорно, сонорно, сонорно...»

И вдруг что-то шершавое коснулось моей руки, я её отдёнул. Зазвенело в ушах, за руку схватили вновь и погладили по ладони большим пальцем с когтём, звонко хрипя:

- Сынок, сынок! Ты вернулся?

По сырному запаху я понял, что это не просто холодные руки, привыкшие к грязной работе, но что меня действительно гладит старуха. Исчезли все звуки, я был в полной пустоте. Один в полной пустоте.

- Бабуся, чего вам надо? Она слепая.

- Я давно ослепла, дорогой, но я тебя вижу, я вижу, что это ты, сынок.

Говорила, как будто тянула меня к смерти, и оставался мир, который и был мной в пустоте. Но я был уже не я, я был – книгой в пурпурной обложке.

- Отстаньте, я не ваш сын!

- Они не убили тебя, они не убили тебя, ты жив!

Она трясла меня за грудки. Я, словно пьяный, встал, вырвался, побежал, взывая внутри к себе самому: «Сом-Сом-Сом». С каждым размеренным бесстрашным шагом. Когда под ногами стала ощутима дорожка – замедлил шаг, чувство самосохранения вернулось. Она звала меня, или только слышалось позади...

Барабаны смолкли.

Дорожка привела к Вечному огню. Рядом щёлкали затворы. Опять туристы.

Больше никаких слов. Никаких касаний. Никаких слов. Только музыка.

И огонь, шипящий огонь газового пламени, согревающие Гераклитовы струи.

Лето

Не спалось всю ночь, потому что я не мог успокоиться — чувство пропажи себя было, как это ни каламбурно звучит, утрачено.

Я живу на Каменноостровском проспекте, за памятником композитору Петрову, на первом этаже, квартира в бывших

конюшнях за зданием котельной, тихо фырчащей теплом. Зато там можно собирать инструменты. Живу я у Андрея, он занимается атрибутикой (значки и прочее) в какой-то мелкой партии, мне не интересно. Приходит домой весь взмыленный. Всё у него завалено, стена кажется бесконечно уходящей вглубь вещами, накрытыми покрывалом. На кухне среди крошек - тараканы, книжки в пыли. Оттуда обычно не хотелось уходить, квартира Андрея дала мне какую-то мою самостоятельность и опутала ею.

Чувствовал себя виноватым: я занимаюсь красотой, а мир продолжает дрожать. Этот шум отзывается и в моей душе. Закрытые занавески, обвисшие паруса нашей жизни. Этот шум лежит здесь поверхностью меня, поверхностью, которая мертвеет, а я сопротивляюсь. Хотя бы тем, что не сплю. Я сам не сплю. Или ночь, как живое существо, которому тоже нужен сон, держит меня в своих объятьях, отлынивая от своей чудовищной службы под моей охраной.

Утром, после того, как перестали пронзать токи исчезновения вниз по реке жизни Урд, тело наполнилось жадой хоть какого-то действия. То, что было утраченной пустотой, которую так приятно обычно заполнять музыкой, теперь наоборот стало плотностью, внутри которой мне некуда было себя деть. Значит, что во мне есть что-то лишнее, раз я не могу вместить в себя музыку. Во мне – буквально. Я трогал свой мизинец, и он был мёртв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.